Красиков В.И.

Белинский и классическая немецкая философия: роковое влечение

1. Философия в России имела, начиная с XIX в. особый, отличный от Запада, характер. Она приобрела свой привычный на Западе академический и экспертный вид лишь в последние десятилетия XIX, потом в 90 гг. XX в., а на протяжении основного времени последних двух веков имела другой статус. Это обуславливалось политическими режимами царизма, потом советского строя, которые устанавливали жесткую цензуру, где общественно-политические, историко-идеологические темы либо не обсуждались вообще, либо имели место быть в мировоззренчески выверенных рамках. Отсюда – расцвет литературы и публицистики, которая и стала рупором недовольства и протестных настроений, а философия – в силу своей абстрактности и трудности для цензоров – лучшим средством выражения запретных идей.

2. Философия в России на протяжении двух последних веков жила в режиме постоянного импорта западноевропейских идей, их перелицовывания на российский лад. Чем сильнее была подобная зависимость, тем яростнее было ее отрицание, тем не менее приходится констатировать в целом, за редчайшим исключением, общий компилятивный характер нашей философии.

3. Начиная с XIX в. произошел "немецкий поворот" в интеллектуальных предпочтениях нашей образованной публики. Если в предыдущем веке царили французы, деятели Просвещения, то начиная с Канта появляются новые кумиры – представители классической философии, завершившиеся, как известно роковым для России К. Марксом.

4. Каждая новая модная философская система воспринималась как новое Откровение и русские истово ею увлекались, чтобы затем, при появлении нового глашатая истины (обязательно духовного доминанта в Европе), яростно раскритиковать прежнего идола.

5. Яркий по своей гротесковости пример – В. Белинский, который последовательно пережил и выразил соответствующие чувства последовательно: к Фихте,Шеллингу (Кант для него уже устарел к тому времени, как он впервые вошел в кружок Станкевича), Гегелю и Фейербаху – в диапазоне от неистовства увлечения до гневных разоблачений.

6. Первой системой, с которой познакомился Белинский, была система Фихте. Это совпало с героическим периодом в жизни Белинского. Он увлекался тогда ранними драмами Шиллера периода SturmundDrang, и на эту восторженно взрыхленную душевную почву пало зерно идеалистической системы Фихте. Что могло казаться тогда естественнее, как признать единственно действительным, реальным мир идеалов, а самую действительность низвести до роли призрака? И Белинский жадно ухватился за это учение и, со свойственной ему последовательностью, начал прилагать его к оценке всей жизни.

7. В основу его "Литературных мечтаний" уже положена поэтическая натурфилософия Шеллинга, это есть как популяризация идей Шеллинга (которые излагаются недостаточно верно), так и своеобразная переработка шеллинговской натурфилософии с преимущественным ударением на человеке, на его внутреннем мире, на "нравственной жизни вечной идеи" и той борьбе добра и зла, которая заполняет жизнь отдельного человека и человечества в целом. Вся программа, весь пафос эстетического гуманизма, вдохновенный призыв к добру и творчеству заполняют общую часть этой статьи.

8. В 1837-ом году Бакунин с присущей ему склонностью к прозелитизму посвящает Белинского в тайны системы Гегеля; как раз к этому периоду относится переезд Белинского в Петербург; отрыв от кружка Станкевича делает его более самостоятельным. Еще в Москве он впадает *в крайний историософский мистицизм* на основе знаменитой и вечно плохо толкуемой формулы Гегеля "все действительное - разумно". Не раз Белинскому ставили в упрек, что он не читал самого Гегеля – Егора Федоровича (Гегеля), как он его шутливо величал, а знал его с чужих слов, иногда по специально сделанным для него экспертом.

9. Последний импульс от роковой красавицы "классической немецкой философии" он получает при получении очередного пересказа "Сущности христианства" Фейербаха, который увлекает его антропологическими идеями. Однако эти постулаты о материальности и духовности человека воспринимаются Белинским уже в социалистическом контексте, которому суждено было стать мейнстримом русской интеллигенции вплоть до большевистского периода России.

10. Значение и роль Белинского в том, что он – классический типаж "служилых интеллектуалов" из представителей средних и нижних средних городских слоев ("разночинцев"), которые стали господствующим типажом для левой революционной "интеллигенции". Потому он психологически и интеллектуально стал для них своим отечественным кумиром – от Чернышевского до Ленина. Парвеню среди дворян, нищий среди богатых, самоучка среди образованных и воспитанных, он явился как бы представителем и выразителем той неведомой еще в то время массы.